

TIMUR RADBIL / ТИМУР РАДБИЛЬ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7516-6705>

IRINA GRANEVA / ИРИНА ГРАНЕВА

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1908-3665>

NATALYA NAGOVITSYNA / НАТАЛЬЯ НАГОВИЦЫНА

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0124-6446>

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

**КУЛЬТУРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЕ – ЧУЖОЕ»:
РУССКИЕ ЛИЧНЫЕ И ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ
МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ ВОПЛОЩЕНИИ
ЛЕКСИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ»**

**The cultural opposition “my, our own vs alien”:
Russian pronouns in language representation
of the concept “patriotism”**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексическая семантика, лицо, личные местоимения, лексический концепт, понятия «свой» и «чужой»

KEYWORDS: lexical semantics, person, personal pronouns, lexical concept, notions “my, our own” and “alien”

ABSTRACT: The article presents the peculiarities of language objectification of basic archaic cultural opposition “my, our own - alien” by mean of Russian personal and possessive pronouns’ semantics and functioning. The purpose is to detect how the 1st and 2nd person pronouns in their non-referential usage get potentiality to form conceptual content and language representation of the concept “patriotism”. The methodology includes methods of referential and conceptual analysis. The material is the data of lexicographic sources, Russian national Corpus and the authors’ internet-monitoring. The study shows that Russian personal and possessive pronouns contribute most to language expression of culturally significant opposition of “circles ours, our own” and circle “others, aliens”, of values of “own world” and “alien world”. The findings are that the fact of conceptual contraposition of the 1st and the 2nd person pronouns is to be included in linguo-cognitive description of the concept “patriotism”.

1. Введение

В современной лингвистике значительно активизируются междисциплинарные исследования национальной и культурной обусловленности единиц и категорий естественного языка. Анализ социально-значимых концептов национальной культуры и их лингвокогнитивная интерпретация сегодня представляется одной из самых актуальных задач, стоящих перед новой, антропоориентированной лингвистикой (Радбиль 2016).

Все это в полной мере относится и к концепту «патриотизм». Представления о значимости родной земли формируются еще в незапамятные времена, и существенную роль в формировании этой ключевой для человеческой цивилизации идеи играет древняя архетипическая культурная оппозиция «свое – чужое», которая представляла собой первичную шкалу ценностей и выступала как регулятор нормативного поведения человека. Оппозиция СВОЕ – ЧУЖОЕ существует у разных народов с древних времен. Она важна для обозначения границ своего мира, территории своего рода, племени, фратрии. Так, Ю. С. Степанов утверждает, что идея ‘мира’ посредством представления о ‘порядке, устроенности, ладе’ коррелирует с понятиями ‘мы’ и ‘наши’: именно эти местоимения маркируют ‘свое’, которое противопоставлено ‘чужому’ (Степанов 1997, 95).

Таким образом, вырисовывается значимая для нашего исследования связь понятия о патриотизме с некоторыми существенными свойствами категориальной семантики и особыми условиями употребления личных и притяжательных местоимений 1 и 2 лица, которые, как можно предположить, имеют значительный потенциал для формирования ценностного представления о границе между «своим», обжитым и «чужим», неосвоенным пространством, идеи тотальной противопоставленности «своего» и «чужого» мира.

2. Теоретическая база, концепция и методы исследования

В качестве теоретической базы исследования выступают идеи современной лингвокультурологии (см. работы: Телия 1996; Алиференко 2010; Ковшова 2013; Зыкова 2015; Радбиль 2017; Kiklewicz 2019; Wierzbicka 1997 и др.) и сложившиеся в лингвистической концептологии принципы комплексного лингвокогнитивного описания концептов национальной культуры (Арутюнова 1991; Попова/Стернин 2007; Mizin/Petrov 2017 и др.).

В предыдущих работах Н. В. Наговицыной было выявлено 17 когнитивных признаков лексического концепта «патриотизм» (Наговицына 2018). В целях предпринятого исследования нас интересуют семантические при-

знаки, репрезентирующие позитивную оценочность: 'любовь к Родине как к месту рождения'; 'привязанность/преданность к месту своего рождения, месту жительства'; 'идентификация себя с другими членами своего народа'; 'особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям', – и отрицательную оценочность: 'безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой (со словом «квасной»)'. Предполагается, что именно эти смысловые акценты непосредственно связаны с культурной оппозицией «свое – чужое», в языковом воплощении которой участвуют русские личные и притяжательные местоимения I и II лица.

В настоящей работе мы покажем возможность расширения исследовательских моделей лингвистического описания концептов за счет включения в них единиц дейктического/анафорического типа – личных и лично-притяжательных местоимений.

В предыдущих исследованиях И. Ю. Граневой (2015) был выявлен существенный потенциал так называемых *н е р е ф е р е н т н ы х* *у п о т р е б л е н и й* личных и притяжательных местоимений типа «мы» и «наши» для репрезентации ценностно окрашенных смыслов, связанных с актуализацией в дискурсе идеи «своего круга», общности людей и их единения на основе духовной близости. Под *н е р е ф е р е н т н ы м и* *у п о т р е б л е н и я м и* местоимений понимаются их употребления, не содержащие прямой отсылки к непосредственному участнику речевой ситуации, когда они не указывают, а обозначают некий круг лиц (в этом случае можно говорить о своего рода вытеснении дейктической функции номинативной функцией). Такой тип *н е р е ф е р е н т н о г о* *у п о т р е б л е н и я*, выделяющего множество «своих», «наших» и противопоставляющего его «чужим», «ненашим», именуется *э к з и с т е н ц и а л ь н о е* *у п о т р е б л е н и е*.

Подобные «мы» или «наши» эксплуатируют архетипическое свойство указанных местоимений определять границы «мира своих», за которыми лежит неизведанное и потенциально враждебное пространство «чужих», которое в ряде случаев маркируется антиномическими единицами *вы* и *ваши*. Подобное представление, несомненно, связано с самими истоками формирования концепта «патриотизм».

Тем самым в теоретическую базу исследования входят разработанные Т. Б. Радбилем (2017) научные понятия концептуальной синонимии антонимии. Так, местоимения *мы* – *вы*, *наши* – *ваши* не являются антонимами в системе русского языка, но, например, в фразеологизованных конструкциях они зачастую актуализуют культурно-значимую оппозицию круга своих круга чужих.

Таким образом, цель исследования – проанализировать роль *н е р е ф е р е н т н ы х* *у п о т р е б л е н и й* русских личных и притяжательных местоимений I и II лица в языковой репрезентации некоторых признаков концепта

«патриотизм». Материал исследования составили данные русский толковых и фразеологических словарей, Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Интернет-мониторинга, осуществленного авторами. Объем обследованного материала – 346 контекстов, извлеченных посредством сплошной выборки из указанных выше источников (66 контекстов с лексемой *мы*, 48 контекстов с лексемой *наши*, 52 контекста с лексемой *вы*, 38 контекстов с лексемой *ваши*, 84 контекста совместной встречаемости лексем *мы / наши* + *патриот / патриотизм*, 58 контекстов совместной встречаемости лексем *вы / ваши* + *патриот / патриотизм*). Непосредственными методами исследования являются метод концептуального анализа лексем и фразеологизмов (см. Радбиль 2016) и метод референциального анализа местоимений, разработанного в рамках коммуникативно-прагматического подхода (Гранева 2010).

3. «Мы» и «наши» vs «вы» и «ваши» в языковой репрезентации некоторых признаков концепта «патриотизм»

Таким образом, уже на предварительном, эмпирическом этапе исследования можно постулировать связь нереперентных употреблений местоимений *мы* или *наши* с представлением о любви к Родине, к людям, ее населяющим, к ее истории и культуре, к традициям и обычаям, к национальному языку.

Стоящие за этими местоимениям представления о совокупности всех русских людей, которая ощущается как «свой мир», «свой круг», отражены, например, в застывших предложно-падежных формах и фразеологизмах с компонентом *мы* или *наши*. Так, выражение *у нас* означает ‘в нашей семье, в нашем доме, в нашем обществе и т. п., в том числе – и в нашей стране’. Лично-притяжательное *наш* в составе фразеологизмов выражает установку на предпочтение коллективных ценностей над индивидуальными, на «соборность»: *наше дело, наш долг, наша обязанность* и др. Это тоже ценности «своего мира». Эмоционально-экспрессивный фразеологизм *Знай наших!* выражает гордость за поступки или действия представителей «своих».

Говорение на родном языке маркируется через идею «нашего»: *говорить по-нашему* – в разговорной речи употребляется в значении ‘говорить на языке говорящего’. В последнем случае также отражается такой когнитивный признак концепта «патриотизм», как ‘особое эмоциональное переживание своей принадлежности к Родине, чувство гордости своим гражданством, родным языком, традициями’ (Наговицына 2018).

В дискурсной реализации местоимения *мы* или *наши* в контекстах совместной встречаемости с лексемами, объективирующими концепт «патриотизм» (прежде всего это лексема *патриот*), актуализируют разного рода

субъективно-оценочные и эмоционально-экспрессивные смыслы, имплицитно заложенные в лексемах типа *патриот* за счет включения позиции адресата как бы «по умолчанию» в некий круг ценностей, которые тот облигаторно должен разделять вместе с говорящим.

Об этом свидетельствуют разнообразные языковые данные нереферентного употребления *мы*, представленные в Национальном корпусе русского языка:

- (1) И хотя со временем отношение к этому всему у нас поменялось, всё равно мы – *патриоты, патриоты* нашего города, нашей России.

Также для местоимения «мы» характерен такой тип нереферентного употребления, который в наших исследованиях (Гранева 2010) именуется «ценностное», «идеологическое мы»:

- (2) Путин считает, что жизнеспособный патриотизм будет, если *мы, граждане России*, сможем гордиться нашей страной сегодня.

Мы здесь – это не просто множество всех людей, населяющих государство, но множество всех людей, призванных разделять идеалы государства, его ценности и др., тем самым объединенных в нерасчлененную общность. Все эти разновидности объединяет идеологизованная установка на объединение тех, кто принадлежит к нашей системе ценностей.

Языковые данные нереферентного употребления «наши», представленные в НКРЯ, также демонстрируют наличие устойчивой ассоциации (*наши мир – наши*):

- (3) Очень хочу, чтобы *наши* выиграли. Правда, хозяева чемпионата сильны, и счета 8:0 в *нашу* пользу не будет.

Здесь нереферентное *наши* также очерчивают границы «мира своих», задают концептуальное пространство «нашего», в противовес «не-нашему». В подобных употреблениях *мы* или *наши* подразумевается позитивно-оценочная составляющая таких когнитивных признаков концепта «патриотизм», как 'любовь к Родине как к месту рождения'; 'привязанность/преданность к месту своего рождения, месту жительства'; 'особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям', о которых была речь выше.

Следует отметить, что сильный эмоционально-экспрессивный потенциал такого «ценностного» *мы* или *наши* может обуславливать реализацию и несколько иного типа оценочной реакции на круг «своих ценностей», оценочность сложной природы, включающую ироническое остраение, снижение

оценочного регистра и своего рода «отстройку» (по тем или иным причинам) от тех, кто разделяет наши ценности:

(4) Ах, скажите на милость, *какие мы патриоты!*..

Особенно ярко этот тип остранинного (иногда с ироническим оттенком) употребления с негативной оценочностью проявляется в контекстах совместной встречаемости лексемы «патриотизм» и лично-притяжательного местоимения «наши»:

(5) *Наши патриоты* могут играть на чувствах ущемления, говоря: «нас обижают», и на этой жалости и зывании к справедливости покупают свой электорат.

Такая острающая ценностная позиция в письменной речи может маркироваться так называемыми «ироническими кавычками»:

(6) «*Наши «патриоты»* не оригинальны. Более того, их теории, вообще говоря, даже заимствованы на Западе.

Нетрудно видеть, что в таких случаях актуализируется уже негативно-оценочный признак концепта «патриотизм» – ‘безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой (со словом *квасной*)’.

Фразеологические единицы, в состав которых входят местоимения «вы» и «ваш», по особенностям выражаемой ими культурной информации на концептуальном уровне противопоставлены фразеологизмам с *мы* или *наши*. Об этом свидетельствуют, например, образуемые с помощью этих местоимений ценностно маркированные оппозиции типа *у вас – у нас, не ваше дело – не наше дело, ваша взяла – наша взяла, ваш брат – наш брат* и др. Эти фразеологизмы выражают своего рода «отстройку» от чужих ценностей и предпочтений, т.е. остранение и снижение ценностей другой, противопоставленной группы как частный случай общей архетипической аксиологической оппозиции «свое» – «чужое».

Однако, с другой стороны, фразеологизмы с «ваш» способны выражать и идею объединения «своего» мира и мира оппонента: местоимение «ваш» в самых разнообразных контекстных окружениях очень часто употребляется в значении ‘относящийся к той же среде, как и вы, близкий вам по убеждениям, взглядам’: *Я ваш по крови*. При этом подобное «объединение» своего и чужого мира может говорящими оцениваться отрицательно, что видим, например, в фразеологизме «и нашим и вашим», в котором выражается неприятие беспринципности, бесхребетности, отсутствия четкой позиции. В целом в подобных случаях видится определенная амбивалентность «вы»

и «ваш», которые равно способны выражать ориентацию как на кооперацию, так и на конфронтацию с «своим кругом», с миром «своих» ценностей.

Эта двойственность проявляет себя и в контекстах совместной встречаемости местоимения *вы* и лексем *патриот*, *патриотизм*, о чем свидетельствуют данные НКРЯ и нашего Интернет-мониторинга. Так, отстройку от чужого мира, чужих ценностей видим в примере:

- (7) *Патриоты*, вы все милые такие и доверчивые. Я вот как сейчас помню, рассказывали в школе о происках империалистов и подлом Сахарове.

Следующий пример демонстрирует, напротив, исключение оппонента из мира своих ценностей, своего круга:

- (8) Вы не *патриоты*, вы троглодиты, не умеющие и не желающие просчитывать свою жизнь на шаг вперед.

Идея «объединения» «своего» мира и мира оппонента отражена, например, в употреблении обобщенно-личного «вы»:

- (9) А если хотите реализоваться в жизни, то учите английский и уматывайте работать в США. Там вас оценят по достоинству. А если вы *патриоты*, у вас будут большие проблемы. А если ещё политикой займётесь, то будете сидеть.

Аналогичным образом ведут себя контексты совместной встречаемости с местоимением «ваши». Отстройку от мира чужих ценностей видим в примере:

- (10) *Истинный патриот* не кричит об этом, а тихо делает то, что улучшает жизнь. [...] Пока вы, с пеной у рта «воюете с Россией» в фейсбуках и твиттерах – ваши «*патриоты*» спокойно в этой самой России зарабатывают.

Исключение оппонента из мира своих ценностей, своего круга видим в примере:

- (11) К черту ваш *патриотизм*, наш выбор – феминизм.

Проанализированные случаи выражают такие негативно-оценочные когнитивные признаки концепта «патриотизм», как 'ложный, неискренний патриотизм', 'внешний, показной патриотизм, псевдо-патриотизм', с точки зрения говорящего.

По аналогии с употреблениями «вы», имеются и примеры, в которых отражена идея «объединения» «своего» мира и мира оппонента:

- (12) Пусть ваш *патриотизм* и любовь к нашей общей Родине будут здоровыми и осознанными!

Данные контексты актуализуют такой когнитивный признак концепта «патриотизм», как 'особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям.

4. Выводы

Проанализированный языковой материал показал, что русский лексический концепт «патриотизм» основан на архетипической ценностной оппозиции «свое - чужое». Это отражается в семантике и особенностях реализации личных и притяжательных местоимений I и II лица, которые в идеологически маркированных дискурсах противопоставлены в рамках категории свойскости/чужести. Указанное концептуальное противопоставление местоимений I и II лица используется для указания на такие признаки понятия «патриотизм», как идентификация себя с другими членами своего народа и особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям.

Выявленные возможности личных и притяжательных местоимений I и II лица выражать в особых типах их нереперентного употребления культурно-значимые смыслы по праву должны включаться в лингвокультурные описания лексического концепта «патриотизм».

Библиография

- АЛИФЕРЕНКО, Н. (2010), Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. I, 405-425. [Aliferenko, N. (2010), *Yazykovyye stereotipy russkogo etnokul'turnogo prostranstva*. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. I, 405-425.]
- АРУТЮНОВА, Н. Д. (1991), От редактора: Вступительная статья. В: Арутюнова, Н. Д. (ред.), *Логический анализ языка: Культурные концепты*. Москва, 3-5. [Arutyunova, N. D. (1991), *От редактора: Vstupitel'naya stat'ya*. In: Arutyunova, N. D. (ed.), *Logicheskiiy analiz yazyka: Kul'turnyye kontseptyy*. Moskva, 3-5.]
- ГРАНЕВА, И. Ю. (2010), Местоимение «мы» в современном русском языке: коммуникативно-прагматический подход [диссертация]. Киров. [Graneva, I. Yu. (2010), *Mestoimeniye «my» v sovremennom russkom yazyke: kommunikativno-pragmaticheskiiy podkhod [dissertatsiya]*. Kirov.]
- ГРАНЕВА, И. Ю. (2015), Местоимения «мы», «вы» и «наши» в различных коммуникативных стратегиях. В: *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2(2), 371-375. [Graneva, I. Yu. (2015), *Mestoimeniya «my», «vy» i «nashi» v razlichnykh kommunikativnykh strategiyakh*. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2(2), 371-375.]
- ЗЫКОВА, И. (2015), Теория и методы лингвокультурологического изучения фразеологии. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VI/1, 181-197. [Zykova, I. (2015), *Teoriya i metody lingvokul'turologicheskogo izucheniya frazeologii*. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VI/1, 181-197.]
- КОВШОВА, М. Л. (2013), Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Москва. [Kovshova, M. L. (2013), *Lingvokul'turologicheskiiy metod vo frazeologii: Kody kul'tury*. Moskva.]

- НАГОВИЦЫНА, Н. В. (2018), Смысловое наполнение и семантический объем концепта «патриотизм» в русском языке (по данным лексикографических источников). В: Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 3, 156-160. [Nagovitsyna, N. V. (2018), Smyslovoye napolneniye i semanticheskiy ob'yem kontseptya «patriotizm» v russkom yazyke (po dannym leksikograficheskikh istochnikov). In: Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy. 3, 156-160.]
- ПОПОВА, З. Д./СТЕРНИН, И. А. (2007), Когнитивная лингвистика. Москва. [Popova, Z. D./Sternin, I. A. (2007), Kognitivnaya lingvistika. Moskva.]
- РАДБИЛЬ, Т. Б. (2016), Основы изучения языкового менталитета. Москва. [Radbil, T. B. (2016), Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta. Moskva.]
- РАДБИЛЬ, Т. Б. (2017), Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. Москва. [Radbil, T. B. (2017), Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya. Moskva.]
- СТЕПАНОВ, Ю. С. (1997), Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва. [Stepanov, Yu. S. (1997), Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya. Moskva.]
- ТЕЛИЯ, В. Н. (1996), Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва. [Teliya, V. N. (1996), Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy ilingvokul'turologicheskiy aspektu. Moskva.]
- ШАФИКОВ, С. (2019), Языковое и этнокультурное своеобразие в кривом зеркале лингвокультурологии. В: Przegląd Wschodnioeuropejski. X/1, 399-417. [Shafikov, S. (2019), Yazykovoye i etnokul'turnoye svoebraziye v krivom zerkale lingvokul'turologii. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. X/1, 399-417]
- КИКЛЕВИЧ, А. (2019), Польская и русская школы культурной лингвистики: сходство и различие подходов. W: Przegląd Wschodnioeuropejski. X/2, 273-292. [Kiklewicz, A. (2019), Pol'skaya i russkaya shkoly kul'turnoi lingvistiki: skhodstva i razlichiya podkhodov. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. X/2, 273-292.]
- МИЗИН, К./ПЕТРОВ, О. (2017), Metaphorical modelling of cognitive structure of the concept STINGINESS in British, German, Ukrainian and Russian linguocultures. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. VIII/1, 219-227.
- ВИЕРЗВИСКА, А. (1997), Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. New York/Oxford.

